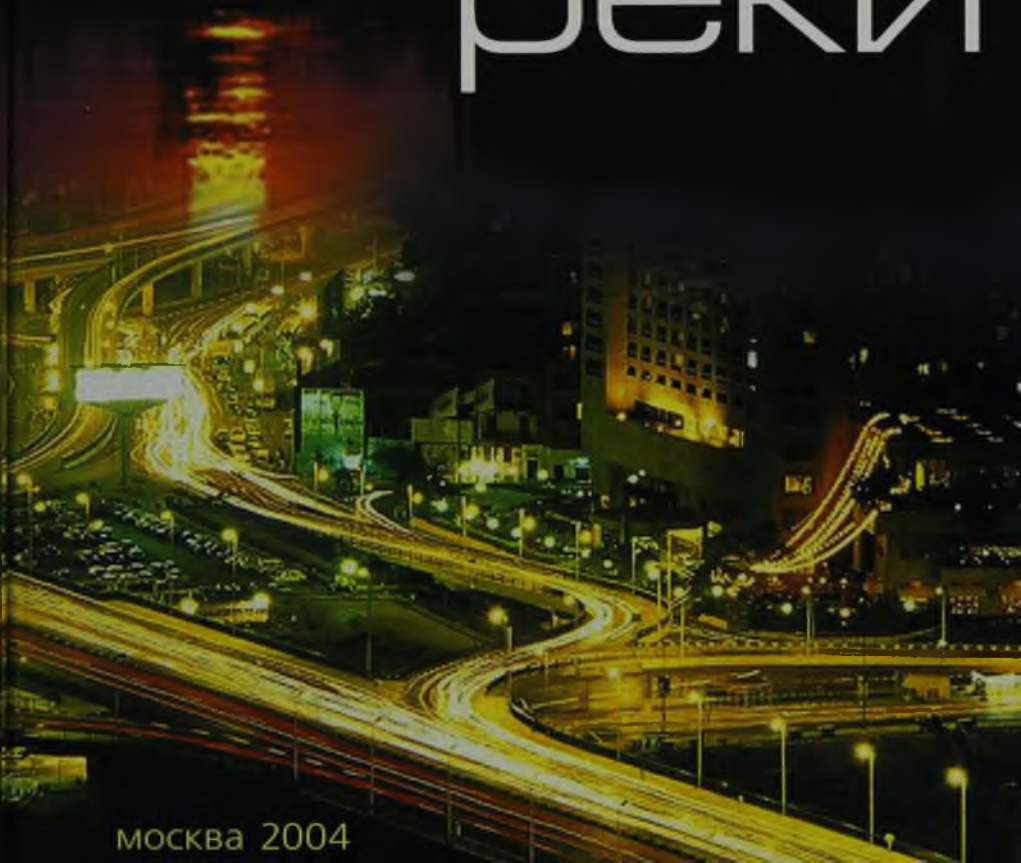

84(2Рос-Рус)6
К М 58

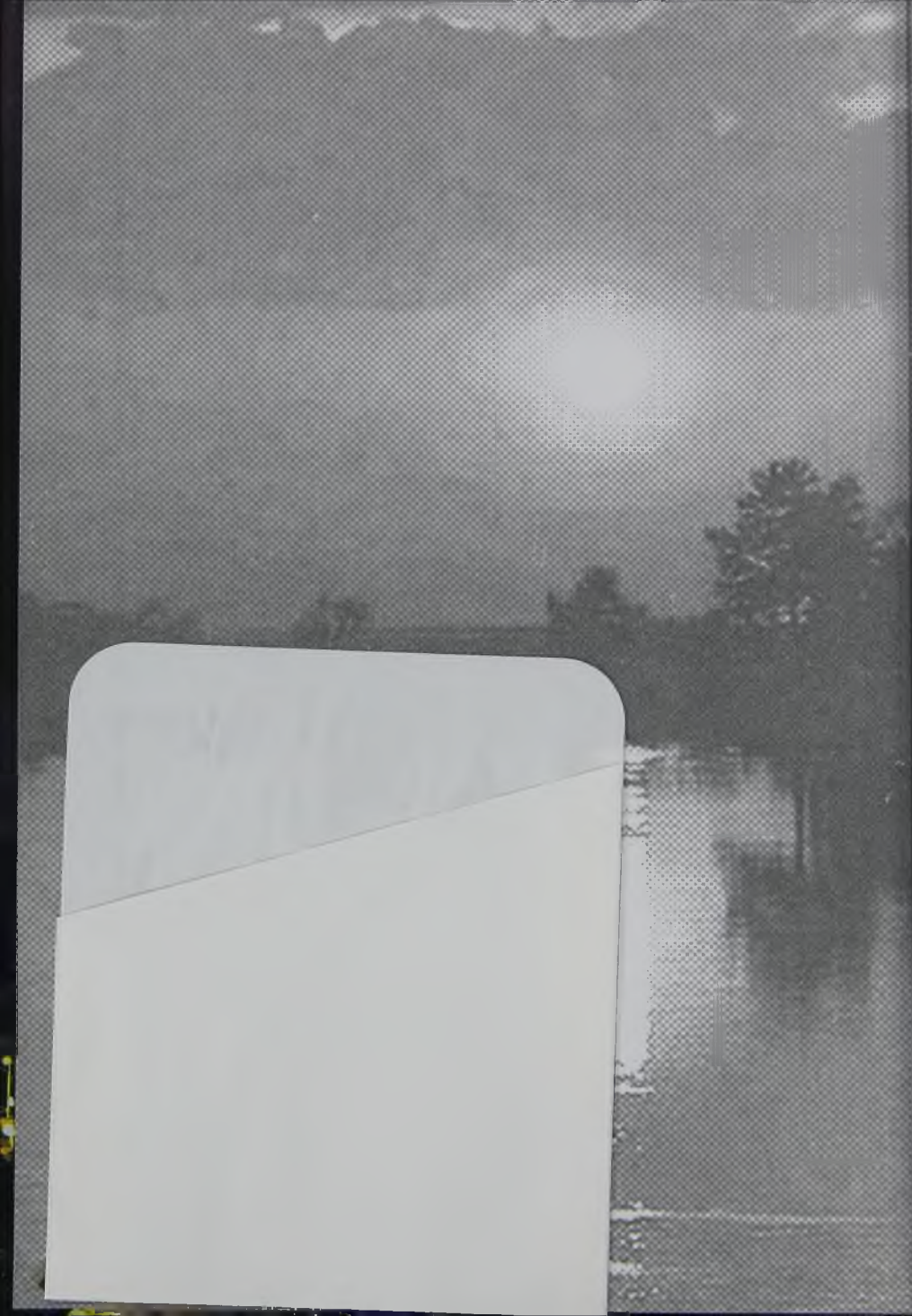
Дмитрий
Мизгулин

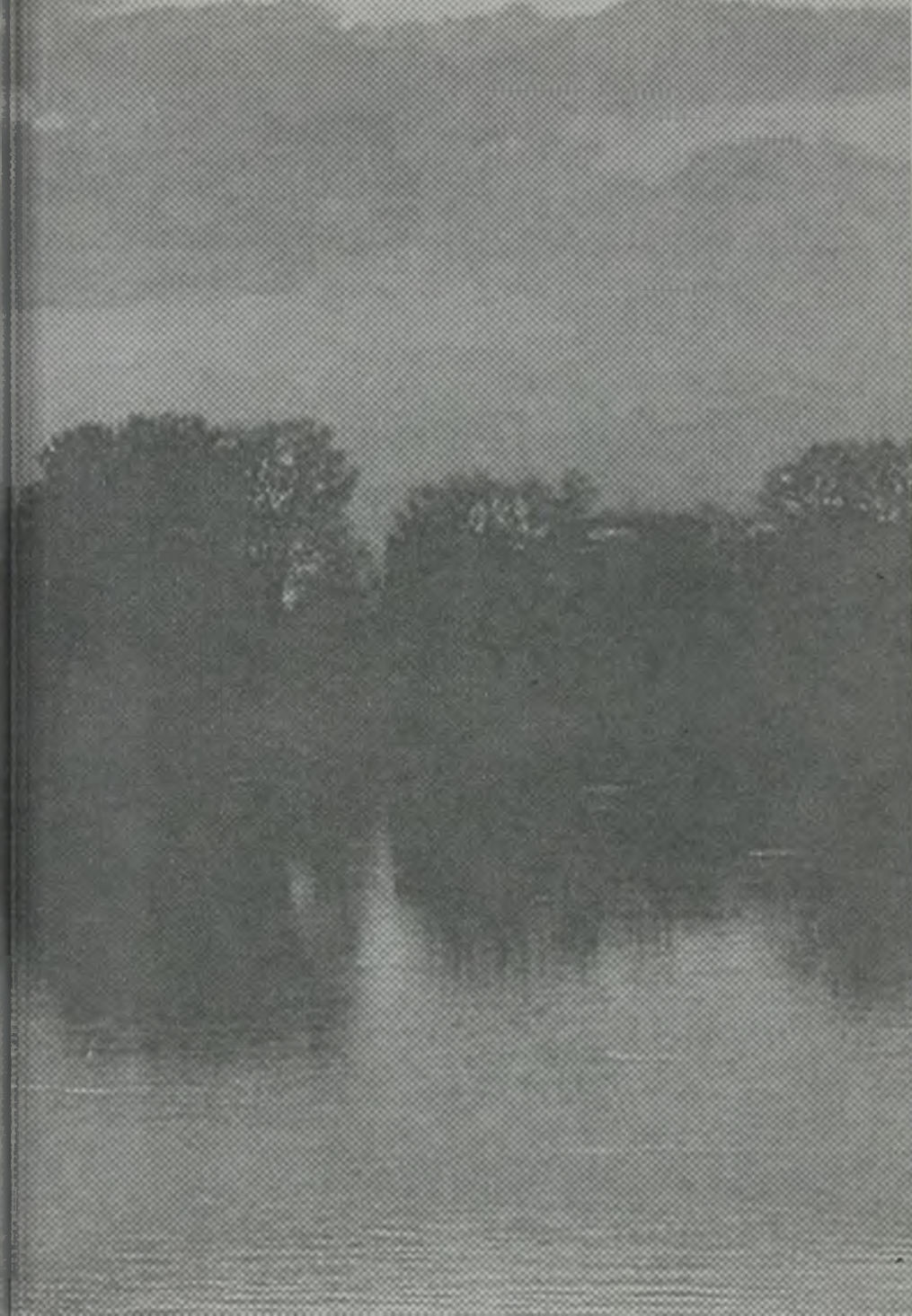
Книга
СТИХОВ

Две реки

москва 2004

1000

АВТОР СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ
ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА БОЧКАРЕВА
ЗА ПОМОЩЬ
В ИЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ

- 080560 -

84(2Рос=Рус)6-5
К
М52

Макет и оформление
Андрей Калишевский

Дмитрий Мизгулин

Две реки. — М.: Славяноград, 2004. — 104 с.

«Две реки» — новая книга Дмитрия Мизгулина, в которую вошли стихотворения написанные автором в 2001 — 2003 г.г.

© Дм. Мизгулин, 2004

© Издательский дом «Славяноград», 2004

© Издательский дом «Интерпресс — Новости», 2004

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

Две реки

Книга
СТИХОВ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.

- 080560 -

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Издательский дом
СЛАВЯНОГРАД

Москва 2004

«Я ВЫСКАЗАТЬСЯ ТОРОПЛЮСЬ»

Об этой книге можно сказать словами А.Твардовского: «Вот стихи, а всё понятно, Всё на русском языке». Стихи Дмитрия Мизгулина узнаешь по родовым чертам нашей великой литературы: совестливость, душевность, духовность, «всемирная отзывчивость» (по Достоевскому).

«Не решай судьбу иных столетий, / Не гадай о будущем в тоске. / Слушай, как степной полярный ветер / Говорит на русском языке.»

Такой совет самому себе дорого стоит. Особенно, когда «кругом — бардак, кругом — бедлам», когда «замызгали, залузгали Отечество моё», когда «потихоньку вымираем, понимающе молчим»... И — неутешительный вывод о том, что «Эпоха грядущего хама стучится настойчиво в дверь». Здесь явная переключка с Д. Мережковским.

Дмитрий Мизгулин — поэт классической традиции. Ему близки стихи А. Блока, И. Бунина, Г. Иванова, С. Есенина, Н. Рубцова. Иные сближения просто поражают — словно за столько прошедших лет ничего не менялось в нашей жизни. «Ещё закон не отвердел, / Страна шумит, как непогода. / Хлестнула дерзко за предел / Нас отравившая свобода.» Это было написано Есениным почти столетие тому назад. А вот отклик нашего современника, поэта Мизгулина: «Через бестолковых событий / Затянула нас в круг бесовской. / Опьяненные жаждой открытий, / Захлебнулись заморской тоской.»

И ещё переключка — с другим поэтом ушедшего века: «Хорошо — что никого, / Хорошо — что ничего, / Так черно и так мертво, / Что мертвее быть не может / И чернее не бывать, — Что никто нам не поможет / И не надо помогать.» (Г. Иванов). «И слышно в лунной тишине, / Как тихо снег пошел... / Никто не вспомнит обо мне / И это хорошо.» (Д.Мизгулин). Воистину, бывают странные сближения!

Смысловый ключ к стихам Мизгулина надо искать в блоковых мотивах предзимья, похолодания, метели, снегопада. «Готовлюсь не спеша к забвению, / Как к продолжительной зиме» — признаётся поэт. Забвения мутная пыль, сумрак бездонный, граница меж небом и льдом, озябшие чайки, заledenелость зим—

него пляжа, стылость северных рек, выговец сурового Ямала. И — как закономерный итог — побег «от Родины снежной и сложной». Но и в другой, столичной жизни нет откровения, нет успокоения. «Времен последних непогодь» преподносит стандартный, противный душе набор жизненных благ: «убожество журналов модных», «и тупость телепередач», «и второсортное кино»... «И в цепких сетях Интернета / Блуждает душа наугад». Одним словом: «Была когда-то Родина. / А ныне в своей стране / Живу как на чужбине.» Человек смуты, эпохи неоязычества смятенно стоит на распутье и вопрошает по-гоголевски: «Куда летит, куда несётся та незнакомая страна, / Что нынче Родиной зовется?». Путник, странник, пассажир, турист или просто скиталец неприкаянный — вот любимые персонажи Мизгулина. Они появляются неведомо откуда и исчезают неведомо куда. Они — призраки, фантомы, условное обозначение дороги, символ пути, примета движения. Они нужны для обозначения идеи развития: «Дорогу осилит идущий», и помнящий (добавлю от себя), поскольку идея эта реализуется на уровне генной памяти поэта.

«Сжимая памяти обломок, / Бреду, молитвою храним... / И вечность дышит мне в затылок / Немым язычеством своим.»

Изнуряющая, бесперспективная иллюзия движения, и вечные, мучительные для русской души вопросы: «Как подумаешь / кто мы и где мы, / За какой оказались чертой?», «...И не моя ли там душа / Качается на ветке птицей?».

Мизгулин как поэт сформировался на сломе эпохи фарса и драмы. Его стихи — свидетельство настроений честных, одаренных, но неприкаянных людей конца прошлого века («шестидесятники» — романтики, «девяностики» — агностички). Ныне именно это, попавшее в зор между двух столетий «внекудышное» поколение определяет литературную ситуацию в России: «Но собирая прошлое по крохам, / Я всё же остаюсь в своей эпохе, / Где Дух определяет бытие».

Галина Седых,
доцент, к.ф.н., зав. кафедрой творчества
Литературного института им. А.М. Горького

I.

Под сводами храма

Учись довольствоваться малым,
Иначе — просто не прожить.
Привычкой, словно ритуалом,
Умей особо дорожить.

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки,
Цени часы. Считай минуты,
Покой душевный береги.

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,
Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.

Иди вперед своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно — для Бога
Твоя бессмертная душа.

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют...
Меняем на марки и баксы
Души первозданный уют.

Но как ни крути, на кладбище
Тебя все равно понесут.
Богатый ты будешь иль нищий,
Предстанешь на Божеский суд.

И поздно поймешь, что не зритель,
Что это уже не кино,
И будет бесстрастным Спаситель,
И яростным будет вино.

Телевизионным пророкам
Ты снова поверить готов...
Что ж, верь предсказателям сроков,
Люби толкователей снов.

Мерцает во мраке планета.
И звезды, как свечи, горят.
И в цепких сетях интернета
Блуждает душа наугад.

Небеса обличительно немые,
Час затишья перед бедой.
Как подумаешь — кто мы и где мы,
За какой оказались чертой...

Череда бестолковых событий
Затянула нас в круг бесовской.
Опьяненные жаждой открытий
Захлебнулись заморской тоской.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни.
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни.

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пройдет не спеша.
И как солнечный ответ, нетленно,
Встрепенется и вспыхнет душа.

Не зная, что будет, наверно,
На ощупь плетемся в впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих и делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь все, что в душе наikipело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не бречное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выражение лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

АНГЕЛ – ХРАНИТЕЛЬ

Со дня рожденья и по смертный час
 Приставлен ангел к каждому из нас.
 Он нас хранит от горя и от бед
 На протяжении беспутных лет.
 Он нас хранит и молится с небес,
 Чтоб наши души не похитил бес,
 И даже под покровом тишины
 Следит, чтоб не украли наши сны...
 А мы живем бездумно и грешим,
 И вечностью своей не дорожим,
 Не думаем, что может грянуть час,
 Когда он навсегда оставит нас.
 Покинув утомительный свой пост,
 Он воспарит среди погасших звезд.
 Взметнутся два спасительных крыла,
 И навсегда тебя ослепит мгла.

Эпоха грядущего хама
Стучится настойчиво в дверь,
Укройся под сводами храма
От будущих бед и потерь.

Догонит лукавый и дышит
В затылок. Но ты не робей.
Молись — и Спаситель услышит,
Сомнения и страхи развей.

Покайся — и душу отпустит.
Во мраке развеется бес,
И с легкой, неведомой грустью
Душа воспарит до небес.

Жить хотелось бы получше,
Не меняя ничего...
Все надеемся на случай,
На удачу — как в кино.

С замираньем из столицы
Ждем дурацких новостей,
Свято верим в небылицы,
Ждем неведомых гостей.

Ходим в храмы. Ставим свечи,
Ждем спасительных идей,
Слушаем пустые речи
Распустившихся вождей.

О земном мечтая рае,
Ищем следствий и причин.
Потихоньку вымираем,
Понимающе молчим.

Не ощущаем, как когда — то,
Во всем — присутствие Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живем в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи.
И слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждем заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

ДУХОВ ДЕНЬ

Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнется тревога змеею:
Человек состоит из воды,
А когда — нибудь станет землею.

Жизнь промчится — исполнится срок.
Будет имя твое позабыто.
И развеется прах и песок
И от мрамора, и от гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа.
Вот о ней — то подумать и надо.

На разочарования — плюнь.
Жизнь проходит — и что тут такого...
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День сошествия Духа Святого.

Не понять нам теперь все равно
Величавость прошедших времен,
Только смутно доносит кино
Шорох платьев да шелест знамен.

Книга дрогнет в усталой руке
И мечтаний рассеется дым —
Мы на разном совсем языке
Пишем, думаем и говорим...

Но как прежде — лепечет листва,
Так же птицы поют по утрам,
И все те же молитвы слова
Наполняют предпраздничный храм.

Не коверкай эпохи итог.
Удержись на крутом вираже,
Ведь куда Природа и Бог
Одичать не позволят душе.

И снова — март. И снова — слякоть.
И снова — все наоборот.
И будет тощий диктор вякать
О том, что знает наперед.

И будет смех, подобен стону.
И будет властвовать обман,
Покуда мы, как на икону,
Взираем на цветной экран.

- 080560 -

Не включай телевизор, не надо,
Хоть мгновенье побудь в тишине.
Меж ветвей опустевшего сада
Тихо звезды плывут в вышине.

Не включай телевизор, не стоит
Видеть этот вселенский бардак,
Где мечтает весь мир перестроить
Каждый третий ученый дурак.

Не включай телевизор, послушай
Шум листвы и шептанье воды,
Воздух майский немного получше
Испарений партийной среды.

Не включай телевизор, не трогай,
Молча пусть этот ящик стоит,
И дыханье свободы и Бога
На мгновенье тебя посетит.

Была когда — то Родина. А ныне
В своей стране живу как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где сострадание напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Мы прошлого и будущего дети.
Но даже за себя мы не в ответе,
Не то, что за народ и за страну,
Мечтали о любви, о тихом счастье
И с треском очутились в настоящем,
Как крест чужой, неся свою вину.

Наверное, старею год от года.
Виной тому не время, а природа —
Она, как ни крути, берет свое.
Но собирая прошлое по крохам,
Я все же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытие.

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Все ждем. А надо бы спешить —
Не много нам Господь отмерил.

Распахнуты в рассветной мгле
Врата небесного чертога.
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

«Умом Россию не понять»

Ф. Тютчев

И флаг у нас теперь, и гимн.
С геральдикой решили тоже.
А вот с Отечеством самим
Не получается, похоже.

Все в мире — сами по себе.
И свой шесток — всего дороже,
А мы в неистовой борьбе
Хотим все время быть п о х о ж и.

И во вселенской суете
Перемеряем все наряды...
Но мир не тот. И мы не те.
И нам давно нигде не рады.

Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума — тем боле...

В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несется
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовется?

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

Похоронив отца и мать,
Тогда не ощутил сиротства.
У молодости превосходство —
Без слез беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье плату.
Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далекий...
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу.
И в пустоте дневного храма
Затеплю желтую свечу
И помяну отца и маму,

И воспарит душа, легка,
И зашумит листвою лето,
И памяти моей река
Несет меня навстречу к свету.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

13 апреля 2001 года

Страстная пятница. Апрель.
Молчат колокола.
А на дворе — метет метель,
Весь мир объяла мгла.

Летит и тает мокрый снег,
И сквозь метель и грязь
Бежит усталый человек,
Тростинкой наклонясь.

Спешит сквозь непогоду в Храм
Успеть. Хоть раз в году.
А в мире торжествует Хам,
Что с бесами в ладу.

Такие вот дела вокруг,
И что ни говори,
Не разомкнут греховный круг
Премьеры и цари.

Страстная пятница. Апрель.
Весь мир окутал мрак.
А на дворе метет метель,
Весной. Как Божий знак.

Времен минувших непогодь,
Последних дней лимит...
Предупреждает нас Господь,
Да все не вразумит.

Как второсортное кино,
Чужие сны смотреть устали.
Чужие помыслы давно
Как будто собственными стали.

И новостей вдыхая пыль,
Мы жить не можем без подсказки,
И словно собственную быль,
Чужие изучаем сказки.

Чужих мечтаний непогодь...
Как тяжело сквозь тьму наветов
Услышать, как зовет Господь
От мрака к свету.

Кругом — бардак. Кругом — бедлам.
И лишь в душе — Спаситель.
По вере вашей будет вам,
Чего не попросите.

Темна осенняя река
И берега в тумане.
Пусть вера ваша вам всегда
Оплотом духа станет.

Времен последних непогодь
Поземкою кружится.
Пока хранит тебя Господь
Не забывай молиться.

Чернеет снег. Мутнеет мгла.
Луна в тумане тает.
Душа, сгоревшая дотла,
Во тьме ночной мерцает.

Смотрю телевизор тупея
И в тысячный раз не пойму —
Как быстро Россия, Рассея
Скатилась в крошечную тьму.

Мгновенно забыли кумиров,
Привычки сменили, спеша,
Но шествию чуждого мира
Противится стала душа.

Господь не оставит вовеки,
Сквозь мрак бесовской проведет,
Покуда еще в человеке
Хоть искорка Веры живет.

Боже, как мы все устали
От удачи невпопад,
От железных магистралей,
От бетонных автострад,

От назойливых событий,
От тревожных новостей,
От неведомых открытий,
От напившихся гостей,

И — ни охнуть, ни вздохнуть.
И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама,
Мимо Бога, мимо Храма.

Я высказаться тороплюсь —
Отринув истину от бредней,
Спеша Спасителю молюсь —
А ну как этот день последний?

А ну как если не успеть
Связать распавшиеся строфы,
Недолюбить, недотерпеть
В канун вселенской катастрофы.

Но что с того — наверняка
Услышано не будет Слово.
Молчит осенняя река,
Назавтра мертвой стать готова.

Умолкли птичьи голоса,
И тишина гнетущей стала,
Молчат глухие небеса,
С утра нахмурившись устало.

Молчат деревья, камыши,
Молчит село. Молчит дорога.
Но зреют в глубине души
Слова, которые от Бога.

Когда ненастье на пороге
И страх гнетет в ночной глуши,
Тогда мы думаем о Боге
И о бессмертии души.

И молимся о доле лучшей,
Пытаясь соблюсти посты, —
Но лишь Господь развеет тучи,
Мы вновь во власти суеты.

Что ж, пронесло — и Слава Богу, —
В круговороте кутерьмы
Опять греховною дорогой
Спешим привычно в царство тьмы...

Не жди, когда придет беда
Молись и бодрствуй всегда!

Погаснут светила в полуночный час,
В преддверьи крушенья эпохи —
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнем погребальным взметнется ковыль
Над Родиной снежной и сонной.

Судивший нас — с нами во мрак снизойдет.
Кровавой напившись свободы.
Сомкнется над нами бессмертия лед,
Застынут мятежные своды.

Но снова заплещется Веры вода
В глазницах пустых океана.
Истеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес
И спустится Ангел с высоких небес.

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...
Крадущемуся Зверю
Читаю «Отче Наш».

Пусть я еще не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он — то понимает
Значенье вещей слов.

Все выше и выше, и выше —
Сумели себя побороть.
Но только все видит и слышит
Всегда Милосердный Господь.

Все проще и проще, и проще
Становятся мысли и сны.
Шумят облетевшие рощи
Когда — то великой страны.

Все больше и больше, и больше
Берет ненасытный сосед —
Уменьшимся скоро до Польши —
А после — и вовсе на нет.

Все хуже и хуже, и хуже
Живет мой полуночный край.
Все уже и уже, и уже
Дорога, ведущая в рай.

II.

В круговороте суеты

Жизнь суетой такой наполнишь,
 Что успеваешь чуть дыша...
 А через месяц и не вспомнишь,
 О чем тревожилась душа.

Как ныне причиняют муку
 Пустопорожние слова,
 И снова зависть, ложь и скуку
 Гордыни мелют жернова.

Конечно, надо быть мудрее.
 А если проще — надо быть.
 Свои потери не жалея,
 Течение светлых дней любить.

И не пора ль остановиться,
 Войдя в блистательный зенит,
 Послушать лес, увидеть птицу,
 Которая вот — вот взлетит.

Ну вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло березы
В холодной сиреновой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомненья и страхи легки.
Я без сожаленья и скуки
Приемлю течение реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно отчалила...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Здесь все, наверно, так и было
И будет, кажется, всегда.
Вот ива ветви уронила
На гладь застывшего пруда.

Все приготовилось к разлуке
С осенним пиршеством судьбы,
И труженик в похмельной скуке
Для статуй делает гробы.

Трава в снегу. Листы фанеры.
Он молча ладит молоток.
И на челе нагой Венеры
Застыл озябнувший листок.

Предвижу скорую разлуку,
Но счастьем не дорожу.
Меняю суету на скуку,
По лесу зимнему брожу,

Листаю памяти страницы,
Вдыхаю снежный дух хвои,
И желтогрудые синицы
Щебечут, словно соловьи...

Здесь тишиной меня подлечат,
И, одиночеством томим,
Пойду опять судьбе навстречу,
Твоей молитвою храним.

ЗИМНИЙ ПЛЯЖ

День отрадный. Снегопадный.
На дороге — след колесный.
Вдоль залива — очень ладно
Ветер вытесал торосы.

Солнце, затерявшись в тучах,
Остывает постепенно...
Летом здесь, конечно, лучше.
Веселее, несравненно.

Летом — суета и пиво.
Нынче выпить негде даже.
Я стою один, счастливый,
На пустынном, снежном пляже,

Где завьюжен, молчалив,
К небу тянется залив.

ЗАКАТ

Озябшие чайки кричат,
К таким холодам непривычны,
И в дымке морозной Кронштадт
Отсюда мне виден отлично.

Сомнения оставь на потом,
Вглядись в бесконечность простора —
Граница меж небом и льдом
Во мраке сокроется скоро.

Заката тускнеет пожар,
Сгущается мгла торопливо,
И солнца малиновый шар
Остынет в торосах залива.

В САНАТОРИИ

Три дня осталось в тишине
Гулять и тешить душу личным,
И доктор выпишет при мне
Невнятным почерком больничный.

Иду по парку, не спеша,
Мне, право, нравится лечиться,
И не моя ли там душа
Качается на ветке птицей?

Вот — вот взлетит. Вспорхнет вот — вот,
Забыв про свод врачебных правил,
Мир, полный мелочных забот,
Возьмет — и навсегда оставит.

Не сквернословлю. Не курю.
Не пью. Вот разве только чаю.
И эту раннюю зарю,
Как милость Божию, встречаю.

Украшена огнями елка —
Готовы к празднику давно
В том доме, на краю поселка,
Где тускло светится окно.

Забуду расставаний муки,
И пусть душа наивно лжет —
От суеты и от разлуки
Судьба меня не бережет.

И вновь, как прежде, в тусклый вечер
Мне возвращенье предстоит,
И вновь, как прежде, снежный ветер,
Смеясь, вдогонку засвистит.

Мне одиночество знакомо.
А ваша дружба — ни к чему.
И я спешу навстречу дому
Единственному, своему.

Где пахнет жареной картошкой,
Где стынет чайник на плите,
Где жизнь проходит понемножку
В предновогодней суете.

ПРУД

Дней суетливых череда
 Сплелась цепочкой длинною,
 Жизнь застоялась, как вода
 В пруду, заросшем тиною.

Кусты ракиты там и тут
 Листвой шуршат украдкою,
 Ничто не потревожит пруд,
 Его поверхность гладкую.

Друзья уснули и враги.
 Кругом покой немеющий...
 Брось камень — не пойдут круги
 По глади зеленеющей.

Храни тоску. Цени покой
 И верь лишь в настоящее,
 И мни сквозь сон себя рекой
 К морским волнам спешащею.

СВАЛКА

С утра машина за машиной
Привозят мусор городской,
Все выше высится вершина
Зловонной мерзости людской.

Наверно, завтра будет лучше
И нас совсем оставит бес,
А ныне — мусорные кучи
И дым зловонный до небес.

Небесные темнеют своды,
Земную впитывая грязь,
А равнодушные уроды
Идут по жизни, веселясь.

На всех — и сытых и голодных
Одно и то же, хоть ты плачь, —
Убожество журналов модных
И тупость телепередач.

И верит каждый — как иначе? —
И в справедливость, и в прогресс,
И вся держава хором плачет
Над гибелью чужих принцесс.

Все одинаково угрюмы.
И на просторах всей страны
На всех — одни и те же думы.
У всех — одни и те же сны.

Как тихо в нашем околотке.
Я времени не тороплю.
С устатку выпью рюмку водки.
Неспешно баню протоплю.

В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря, как молча рыба стая
Заходит в сети рыбака.

Во тьме пропал товарищ мой,
Растаял без следа.
Его покрыла с головой
Неверия вода.

И прав во всем, он жил как жил,
Вгрызаясь в бытие,
Не ведая того, свершил
Предательство свое.

Не осуждаю. Не ищу
Ни следствий, ни причин.
А просто искренне грущу
О дружбе двух мужчин.

О городе, где был рожден,
О юности былой,
О днях, чей след был замечен
Полярной вьюгой злой.

Душа тепла не сохранит,
Но и не вспомнит зла...
И пусть Господь его простит
За все его дела.

Причинно — следственные связи
Не путай, глядя с высоты.
Лечебными бывают грязи
И ядовитыми цветы.

Решай, свое имея мнение,
Не отвергай чужой совет,
Бывает горечь поражения
Достойней радости побед.

Человек боится темноты.
Человек боится высоты,
Бедности, болезней, неудачи.
И в круговороте суеты,
Потеряв остатки простоты,
Все боится не успеть к раздаче.

Потеряв надежду и покой,
Рыщешь волком в суете мирской,
Копишь униженья и сомненья.
Счастье не оценивай рублем —
Пенный след волны за кораблем —
Все наши земные достижения.

Что без Веры наше Бытие?
В этом — и спасение мое,
В этом и сомненье и надежды.
Остывает медленно земля.
В опустевшем парке тополя
Примеряют белые одежды...

БИОГРАФИЯ

Он жизнь свою, как книжку
В трамвае, прочитал,
Жил второпях, вприпрыжку,
В компаниях блистал,

Все, суется, носился
В круговороте дел,..
Как вдруг остановился,
На миг остолбенел,

И тут неумолимо
Тоска его нашла —
И понял он, что мимо
Вся жизнь его прошла.

Близка к концу дорога,
И страх гнетет уже —
Ни счастья. Ни Бога
В озябнувшей душе.

Гулял по белу свету,
Надеясь на авось,
И продувает ветер
Судьбу его насквозь.

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Все равно мне — готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвенит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же все останется как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной, полынный ветер
Говорит на русском языке.

Мне ночью плохо спится.
Мне ничего не снится,
Маячат чьи — то лица
И тьма на всей земле...
Храпит во сне столица,
Озябшая синица
На ветке серебристой
Качается во мгле.

Течет однообразно
Движенье жизни разной.
В ночи крестообразно
Мерцают фонари.
Душа оставит тело
В дремоте онемелой
И будет неумело
Скитаться до зари...

Озябшая, вернется,
И солнцу улыбнется,
И время повернется,
И на крути своя
Вернется все, что было,
Что полночь растворила,
Что мысль на миг забыла,
Во мраке бытия.

Ах, как раньше писалось!
Эх, как раньше пилося!
Все куда — то девалось,
Как — то оборвалось...

Стал не то чтобы старше,
И не то чтоб устал...
Но с колонной на марше
Успевать перестал.

Все не в ногу, не в ногу,
Все не в лад, да не в ряд,
Да и той ли дорогой
Мой шагает отряд?

Но никто не ответит,
С горьким чувством вины
Вдруг захочешь на свете
Одного — тишины.

В этом мире пропащем
Судьбы переплелись,
Дорожить настоящим
Поскорей научись.

Не в колонне, на марше,
Но один, не спеша.
И едва отдышавшись,
Потеплеет душа.

Жизнь состоит из работы,
Пьянок и мелких страстей.
Россказни, сплетни, заботы,
Мутный поток новостей.

Всюду — проблемы, заботы.
Ищем — не можем найти,
Словно бы важное что-то
Мы потеряли в пути.

Кружат и свищут метели,
Звезды погасли во мгле.
В небо нечасто глядели —
Слишком тянуло к земле.

Кабы немного усилъя
Сумрачный мир превозмочь —
С шумом раскрылись бы крылья
С треском разверзлась бы ночь...

Только гнетет в небесах
Сферы небесной размах.
Сложатся крылья, шурша, —
Жаждет покоя душа.

Хотелось жить легко, красиво,
Сверкать, как факел на ветру.
Хотелось славы, словно пива
Холодненького, поутру.

Потом куда — то все пропало
И пообветрилось слегка,
Привычным и обычным стало,
Как эта рюмка коньяка.

Какая осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь — целый день в заботах,
Так, что кружится голова —
Покрасил заново ворота,
С размахом напил дрова,

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь, не спеша, к забвенью,
Как к продолжительной зиме.

III.

Летят дороги дальние

ВОКЗАЛЬНОЕ

Летят дороги дальние
Отсель — во все концы.
Гудит толпа вокзальная,
Призывно бьют часы.

Народ бежит и мечется,
Торопится, спешит,
Во все концы Отечества
Отсюда путь лежит.

Летит шальное времечко
И множится тщета,
Повсюду — пиво, семечки,
Повсюду — суета.

Законы расписания
Здесь по привычке чтут,
Состав без опоздания
К перрону подадут...

Неоновыми брызгами
Сверкнет герба литье...
Залузгали, замызгали
Отечество мое!

Захапали. Залапали.
Профукали. Проплакали.
В безбожном онемении
Летим навстречу темени.

От Родины снежной и сложной
Уеду на Юг отдыхать.
Гулять не спеша, осторожно
Просоленный воздух вдыхать.

Мечтал о покое. Покоя
Теперь мне хватает вполне.
Я глохну от шума прибоя
При анатолийской луне...

Но память закружит обратно,
И прошлого ветер настиг,
И снежною пылью внезапно
Окутан, застыну на миг.

РИМ

Рокочет недовольная река.
На берегу в песке играют дети...
В душе гудят минувшие века,
И на моих сандалях пыль столетий.

Я вечность эту вижу наяву.
Устал от зрелищ. И наелся хлеба.
Рим пал давно. А я еще живу
И, радуясь, гляжу на это небо.

Е. Бочкареву

Чайки белокрылые кричали,
У детей хватали хлеб из рук.
Пароход, как молодость, отчалил
От причала будущих разлук.

Над кормою вострепнулись флаги,
За волной волна пошла легка,
Словно из оберточной бумаги
На ветру трепещут облака.

Гул вокзала глуше, еле слышен,
Солнце тихо катится в зенит,
Мне никто сегодня не напишет
И никто уже не позвонит.

Никому теперь уже не нужен
Для преодоления рубежей.
Пусть теперь тоска меня окружит
Деревянным кружевом Кижей.

Буду водку с другом пить в буфете,
Буду слушать, как шумит вода,
Веря, что на этом белом свете
Не был я счастливей никогда.

Белоснежным и розовым маем
Цвет вишневый разбросан везде...
В Бирмингеме речные трамваи
Нас везут по зеленой воде.

Все понятно вокруг и привычно
В суеде туристических дней.
Этот город кирпично — фабричный
Стал как будто теплей и родней.

И покажется — дома плыву
По оснеженной Пряжке в Неву.

А в Лондоне под Рождество
Пылают жаркие каминь,
И виски с пивом пьют мужчины,
Сигарой тешат естество.

Газонов майский изумруд,
Здесь в декабре цветут фиалки...
Прогулки по утрам в Гайд-парке
Пешком. По сорок пять минут.

С подарками народ спешит
Домой. А я неторопливо
Сию с огромной кружкой пива,
Смотрю на роскошь Regent street.

Величие и простота.
И храмов Божьих пустота.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО ТЕМЗЕ

Над Лондоном, как мотыльки,
В ночи мерцают самолеты,
Дрожат на дне ночной реки
И звезд огни и окон соты.

Побыть хотелось одному
Хотя бы и вдали от дома,
Но вновь я ввергнут в кутерьму
Ветхозаветного Содома.

Корабль плывет. Дрожит бокал.
Разносят виски и закуски.
Улыбки вежливый оскал.
Речь по — английски и по — русски.

Я пью чилийское вино.
Westminster Brige плывет над нами,
А справа, как в цветном кино,
Огнями выхвачен Парламент.

Бурлит свинцовая вода,
И за кормою парохода
Горит последняя звезда
Во мгле пустого небосвода.

В Лондоне, конечно, жить неплохо.
Жизнь кипит повсюду до зари.
Многоликий и веселый Сохо
Яркие развесил фонари.

В декабре не нужен здесь и свитер,
Но, кичась величием своим,
Все померзли б, если бы на Питер
Развернулся сказочный Гольфстрим.

А в моем Отечестве тоскливо,
Ничего хорошего не ждем.
Только бабки да крутая ксива,
Только сумрак, только снег с дождем.

Заржавели грозные ракеты.
Продан флот. Зажарен соловей.
Но гордиться буду и балетом,
Думая о Родине своей.

Нет в душе ни боли, ни злорадства.
Не злоблюсь и мести не таю...
Помолюсь в Вестминстерском аббатстве
За Россию бедную мою.

В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ
ОБСЕРВАТОРИИ

Господь определит судьбу:
Кто — в адмиралы, кто — в поэты.
Ему — разглядывать в трубу
Чужие звезды и планеты.

Трудился много лет подряд.
И познавал устройство мира...
И небо все твое, и сад,
И эта тесная квартира.

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста:
Жизнь прожил — мухи не обидел.

Тускнеют, ослабев, глаза.
И плечи сгорбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

АФОН

Молитвы тихие слова
И колокольный звон,
И, доносящийся едва,
Чуть слышный шелест волн.

Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках — монастыри
Как силуэты гор.

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад.
Один завет, один закон
На много лет подряд.

Смахну беспамятства слезу
Тяжелою рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой.

Я на мгновенье был спасен
В невежестве своем,
В туманной дымке вознесен
Над смрадным бытием.

Извечной мудрости ответ
Получен мной уже,
Он, как звезды далекий свет,
Чуть теплится в душе.

В МИРРАХ ЛИКИЙСКИХ

Как только заполощется рассвет —
Уже кричат о чем — то муэдзины.
Здесь жили греки. А теперь их нет.
Лишь храма православного руины.

Заботливой турецкою рукой
Посажен сад. Расчищена площадка.
Вокруг царит довольство и покой
И чистота музейного порядка.

Едва заметна от пожаров гарь.
Улыбчивы и добродушны лица.
Вас проведут и в церковь и в алтарь,
Покажут опустевшие гробницы.

Но отчего, в мерцании ночей
Тревогою наполнены молитвы?
И слышится суровый звон мечей,
И не стихает гул далекой битвы...

Луна. Песок. Собак унылый лай.
Затихло море и пуста дорога.
Молись о нас, Святитель Николай,
Проси за нас прощения у Бога.

IV.

Заснеженные берега

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь с начала,
Примеряясь, не спеша.

Суета иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Все казенное — квартира,
Мебель, кухня, телефон.

Лампа и комплект постельный —
По реестру бытие.
Лишь душа да крест нательный
Все имущество мое...

Я молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непогодь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь...

Метет по всей округе,
Во мгле морозной дали.
Куда вы делись, други?
Куда вы все пропали?

Метель тоску остудит.
Зима — белым — бела...
Поговорят — забудут,
У всех свои дела.

А за стеклом оконным
Темнеют дали...
Назавтра и не вспомнят
Как звали...

Слава Богу — все со мной.
Ручка. Чистая бумага,
Гул метели за стеной,
Огоньков ночных ватага.

Слава Богу — все мое
Ночь. Звезда в морозной сини.
Тишина и бытие,
На окне застывший иней.

Слава Богу — никому
Ни советов, ни отчета...
И колеблет ночи тьму
Звезд немая позолота.

Здесь, в молчании снегов
Тишина — моя награда.
Слава Богу, ничего
Большого уже не надо.

Иная жизнь, иные сны,
Иные разговоры.
Мерцают в отблесках луны
Бескрайние просторы.

Судьба поспешна и строга,
Поспорит с ней не всякий...
Заснеженные берега
Растаяли во мраке...

Застыла в сумерках луна,
Уняв твою тревогу...
К другому виду из окна
Привыкнешь понемногу.

ВЕСНА

Тает жизнь как снег на руке —
И почти не осталось запаса.
Прочен лед на весенней реке
Но закрыта по зимнику трасса.

Жизнь мчит, суется и спеша,
Перепутались лица и даты,
Отчего же, скажи, вдруг душа
Озаботилась чувством утраты?

Может, ранняя эта весна,
Пробудившая сонные реки,
Может, просто лекарство от сна
Выбрать нынче в ближайшей аптеке?

Видно, просто иная пора
Приближается неумолимо,
Ветры с юга задуют с утра,
Приближая развязку незримо.

Реки вскроются. И не спеша
Поплывут белоснежные льдины
От ольховых болот Иртыша
В ледниковое царство чужбины.

Предрассветное чувство беды
Вдруг исчезнет — как сумрак тумана.
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана.

Растаял след инверсионный
В пустых, прозрачных небесах,
Гул самолета отдаленный
Затих в синеющих лесах.

И потревоженные дали
Опять застынут на века,
Без устали и без печали
Под ними в даль стремится река.

И ты, измученный сомнением
Во мраке лживой суеты,
Застынешь в скорбном изумлении
От величавой простоты.

И если есть на свете вечность,
То выглядит она такой —
Сияющая бесконечность
Над бронзовеющей рекой.

Безнадежно устав от прогресса,
От вселенских дорог вдалеке,
Золоченым, сентябрьским лесом
Выйду к утренней, тихой реке.

Тяжелы ее синие воды.
От далеких, полуночных стран
По велению вечной природы
Волны катит река в океан.

В белый лед превратится движенье.
Шум застынет в полярной тиши.
Будет русло меняться. Но время
Не остудит движенья души.

Под громадой застывшего льда
Будет вечно струиться вода.

ЗИМА

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.

Прозрачны промерзшие дали,
И видится так далеко,
И осени хмурой печали
Развеялись утром легко.

Не так ли, в сомненьях запутан,
Нисходишь во мрак не спеша,
Но вдруг в роковые минуты
Становится зрячей душа.

С зимой, похоже, все в порядке,
Морозец спал. Снежок парит,
И по ночам на стройплощадках
Ханты – Мансийска свет горит.

Фасады высятся вальяжно
Над среднерусской суетой,
И город мой разноэтажный
Летит над сумрачной тщетой.

Когда – нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Умы давно поистожились...
Теперь вот не хватает рук...
Когда ж Господь явит нам милость
Освободит от вечных мук?

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья,
Уйдем, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

От Волхова до Иртыша
Летела в сумерках душа.
Среди промерзших облаков,
Освободившись от оков
Земной, тревожной суеты...
И звезд хрустальные цветы
Звенели в лунной тишине.
И было одиноко мне
Без быта и без бытия...
Как невесома жизнь моя,
И тает вереница дней
В мерцанье бортовых огней.

Пусть на дворе еще зима,
В моем краю привычно это.
Морозы. Снега кутерьма.
А ночью — ночью снится лето.

Жара. Спасительная тень
Не шелохнется надо мною,
Уже подряд который день
Я упиваюсь тишиною.

Уже который день подряд
Не слышу глупых разговоров.
Наполнен яблоневый сад
Дыханьем ладожских просторов.

И ты, как будто наяву,
Опять ко мне с крыльца спустилась...
Упало яблоко в траву
И покатилося...

V.

У Ладожского моря

УСТЬЕ

Я смотрю с какой — то тайной грустью
На простор зелено — голубой,
Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самым — собой.

На курган взойду, спеша и скоро,
Станет мне иная даль видна —
Растворится в Ладожских просторах
Волховская бурная волна.

Так и мы — во всех своих стремленьях
Знаем свой итог наверняка —
К устью катит дни без сожаленья
Жизни нашей бурная река.

И добро бы бурным стать потоком —
Океаном, озером — а то
Прорасти болотную осокой,
Превратясь неведомо во что.

Сколько благодати в человеке
Заложил всемилостивый Бог —
Посмотри — меняют русла реки,
Ну ты, конечно, стать бы смог —

Океаном, озером, — теченьем
Полноводной, царственной реки —
Но подвластны суетным влечениям
Нашей скудной жизни ручейки.

Мелкие интриги, слухи, враки,
Суета в стремлении — и вот
Исчезаем в безысходном мраке
Ничего не значащих болот.

Веет ветер с Ладожских просторов,
Гомон птиц в желтеющих лесах,
Купола зеленые соборов
Отразились в синих небесах.

Я смотрю с какой-то тайной грустью
На простор зелено-голубой...
Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самым — собой.

Струится дымкой горизонт
За ладожским простором,
Колышет ветер пляжный зонт
Над шиферным забором.

Мы в бане паримся с утра,
Но пар костей не ломит.
Мы водку пьем. Июль. Жара.
Нас в сон полдневный клонит.

Сегодня некуда спешить,
И завтра, впрочем, тоже.
О как прекрасно — просто жить
На этом свете Божьем.

И наблюдать — как от земли
Струится зной устало,
Как проплывают корабли
Вдоль берега канала.

НЕМЯТОВО

Б. Матвееву

Утром — в порядке давление.
Значит — лекарства не пить.
Новое стихотворенье
Можно к обеду слепить.

К Ладоге выйти, как к морю,
Воздух бодрящий вдохнуть,
В гости к веселому Боре
На шашлычок заглянуть.

Боря, хоть лыка не вяжет,
Валенки тут же обул.
Гостю подробно расскажет
Про Кандагар и Кабул.

Гений любви и злодейства,
Мелких и нудных интриг,
Он — генерал лицедейства,
Тайный и важный стратиг.

Как я люблю эти встречи!
Сети. Рыбацкий баркас.
Солнечный ладожский вечер.
Пьянство, живущее в нас...

И воспарят над бедою
Красный закат вдалеке,
Церковь над синей водою,
Баня на желтом песке.

Вечность и бренность в стакане,
Но устоим в непогоду,
Пусть нас удача обманет,
Все же не выдаст Господь.

Сложно все в жизни. И просто.
Господи, Боже ты мой,
В сумерках мимо погоста
Я возвращаюсь домой.

Мимо вселенского мрака,
В пепле сгоревшего дня
В дом, где жена и собака
Ждут с нетерпением меня.

Мы были крепче стали,
А кем мы нынче стали?
Нас всех товарищ Сталин
Давно б пустил в расход,
Нуждаемся в лечение
И тихо по теченью
По щучьему веленью
Плывет наш пароход.

Мы стали очень плохи.
Мы — стоны, всхлипы, вздохи.
Мы — на краю эпохи
Мы — сброшены в отвал.
Все было — честь и слава.
А нынче все — потрава,
Великая держава —
Дешевый карнавал.

Мелькают маски, ленты,
Вожди, эксперименты,
Заезжие клиенты
И люди без лица.
Все близится к развязке
В последней этой пляске,
И в этой страшной сказке
Недолго до конца.

Мне все известно это,
Давно не жду ответа.
Пускай мне это лето
Подарит тишину,
Развеет мрак и горе
У Ладожского моря,
Зажжет в ночном просторе
Высокую луну.

Твои глаза и руки,
Минувшей жизни муки,
Забытые науки,
Томы ненужных книг.
Полуденное солнце,
Песок на дне колодца,
И пусть мне улыбнется
Любви прощальной миг.

Где — то спят большие города,
Пишутся стратегии и планы...
Остывает по ночам вода,
Тают предрассветные туманы.

Маяка остынет уголек.
И засуетятся чайки скоро,
И ворчит усталый дизелек,
Затерявшись в ладожских просторах.

И гудят чуть слышно провода,
И небес светлеет покрывало,
И дрожит последняя звезда
В тихой ряби старого канала.

Осень скоро постучится
Проливным дождем.
Как там сложится, случится?
Все сидим да ждем.

Ветер гонит клочья дыма,
Поздний час.
Жизнь прошла неумолимо
Мимо нас.

Отмечаю последние даты,
Провожая сентябрьские дни.
Как в преддверии скорой утраты,
Догорают ночные огни.

Опоздал я — и нет мне ответа,
Волны катит река не спеша.
От дождливого, хмурого ветра
Отогреется вряд ли душа.

Слишком долгой была непогода,
Слишком долго мы ждали тепла...
И последний гудок парохода
Поглотила озерная мгла.

Тяжелеют волны у реки,
И вода туманом стать готова.
Терпеливо мерзнут рыбаки
В ожиданье крупного улова.

В инее застыли камыши,
Замолчали до рассвета птицы,
Тишина. Не видно ни души,
Даже солнце выглянуть боится.

Я иду по берегу один,
Но предзимья каждый миг лелея,
В ожиданье скорых холодин
Душу бы укутать потеплее.

Вот наконец — то и зима.
Трещат дрова в печи.
И звездных искр кутерьма
В редяющей ночи.

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошел...
Никто не вспомнит обо мне —
И это хорошо.

СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчемным
Любой серьезный разговор.

Что наши страсти и сомненья,
Пустопорожные слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕ РЕКИ

I. ПОД СВОДАМИ ХРАМА	6
«Учись довольствоваться малым...»	8
«Компьютеры, ксероксы, факсы...»	9
«Небеса обличительно немые...»	10
«Не зная что будет наверно...»	11
АНГЕЛ — ХРАНИТЕЛЬ	12
«Эпоха грядущего хама...»	13
«Жить хотелось бы получение...»	14
«Не ощущаем, как когда — то...»	15
ДУХОВ ДЕНЬ	16
«Не понять нам теперь все равно...»	18
«И снова — март. И снова — слякоть...»	19
«Не включая телевизор, не надо...»	20
«Была когда — то Родина. А ныне...»	21
«Мгновеньем надо дорожить...»	22
«И флаг у нас теперь и гимн...»	23
«Похоронив отца и мать...»	24
СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА	26
«Как второсортное кино...»	27
«Крутом — бардак. Крутом — бедлам...»	28
«Смотрю телевизор тупея...»	29
«Боже, как мы все устали...»	29
«Я высказаться тороплюсь...»	30
«Когда ненастье на пороге...»	31
«Погаснут светила в полуночный час...»	32
«Нам всем конец? Не верю...»	33
«Всё выше и выше и выше...»	34
II. В КРУГОВОРОТЕ СУЕТЫ	35
«Жизнь суетой такой наполнишь...»	36
«Ну вот и закончилось лето...»	37
В ОСЕННЕМ ПАРКЕ	39
«Предвижу скорую разлуку...»	40
ЗИМНИЙ ПЛЯЖ	41
ЗАКАТ	42
В САНАТОРИИ	44
«Украшена огнями елка...»	45
ПРУД	46
СВАЛКА	47
«На всех — и сытых и голодных...»	48
«Во тьме пропал товарищ мой...»	49
«Причинно — следственные связи...»	50
«Человек боится темноты...»	51

СОДЕРЖАНИЕ

БИОГРАФИЯ	52
«Скоро мы оставим мир поддунный...»	53
«Мне ночью плохо спится...»	54
«Ах, как раньше писалось...»	55
«Жизнь состоит из работы...»	56
«Хотелось жить легко, красиво...»	57
«Какая осень! После бани...»	58
III. ЛЕТЯТ ДОРОГИ ДАЛЬНИЕ	59
ВОКЗАЛЬНОЕ	60
«От Родины снежной и сложной...»	61
РИМ	62
«Чайки белокрылые кричали...»	63
«Белоснежным и розовым маем...»	64
«А в Лондоне под Рождество...»	65
НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО ТЕМЗЕ	66
«В Лондоне, конечно, жить неплохо...»	68
В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ	69
АФОН.	71
В МИРРАХ ЛИКИЙСКИХ	72
IV. ЗАСНЕЖЕННЫЕ БЕРЕГА	73
«Вьюги катятся с Ямала...»	74
«Метет по всей округе...»	75
«Слава Богу — все со мной...».	76
«Иная жизнь, иные сны...».	78
ВЕСНА	79
«Растаял след инверсионный...»	80
«Безнадёжно устав от прогресса...»	81
ЗИМА	82
«С зимой, похоже, все в порядке...»	83
«Умы давно поистожились...»	84
«От Волхова до Иртыша...»	85
«Пусть на дворе еще зима...»	86
V. У ЛАДОЖСКОГО МОРЯ	87
УСТЬЕ	88
«Струится дымкой горизонт...»	90
НЕМЯТОВО	91
«Мы были крепче стали...».	94
«Где-то спят большие города...»	96
«Осень скоро постучится...»	97
«Отмечаю последние даты...»	98
«Тяжелеют волны у реки...»	99
«Вот наконец — то и зима...»	100
СТАРАЯ ЛАДОГА	101

Дмитрий Мизгулин родился в 1961 году, в городе Мурманске.

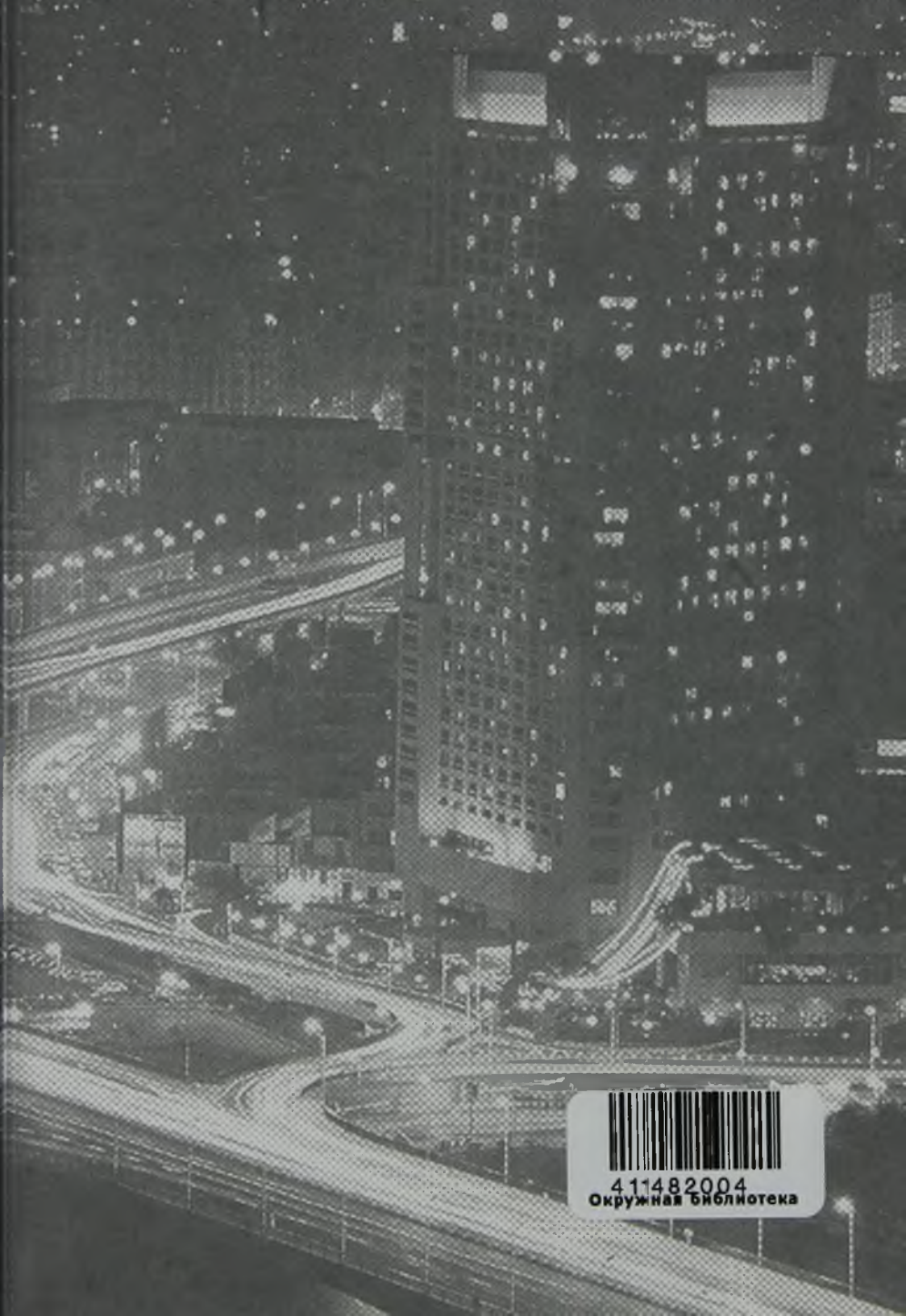
В 1984 году окончил Ленинградский финансово – экономический институт им. Н. А. Вознесенского.

В 1993 году окончил заочное отделение Литературного института им. М. Горького.

Автор восьми книг стихов и прозы, наиболее известные из которых «Зимняя дорога» (1995) и «Скорбный слух» (2001).

Живет и работает в г. Ханты – Мансийске. В новую книгу вошли стихотворения написанные автором в 2001 – 2003 г.г.

411482004
Окружная библиотека

Книга
СТИХОВ

Две реки

Дмитрий Мизгулин

